

Член Верховного суда США, ученый-юрист Уильям О. Дуглас, его супруга Мерседес и фотокорреспондент американского журнала «Нейшнл джиографик» Дин Конгер совершили поездку в Монгольскую Народную Республику. Впечатления о Монголии и ее народе Уильям О. Дуглас изложил в статье, опубликованной в журнале «Нейшнл джиографик». Китайские пропагандисты, как известно, хотят представить Монголию в роли «вассала», «сателлита» СССР, однако совсем не дружелюбно настроенный к Советскому Союзу У. Дуглас отнюдь не усмотрел этого. Он высоко оценивает успехи МНР. Ниже дается сокращенный перевод статьи, иллюстрированный снимками Дина Конгера.

«ВСЕМ как Вайоминг¹», — выразил наши общие мысли Дин Конгер, когда мы прижались носами к окнам самолета, на котором летели в Улан-Батор.

За шесть часов русский «ТУ» доставил нас из Москвы в Иркутск. Теперь другой самолет — «ИЛ-14», тоже русский, но принадлежащий авиакомпании «Аэро Монгол», уносил нас дальше на юг. Под нами лежали пустынные холмистые просторы, хвойные леса с разбросанными там и сям голубыми озерами.

Монголия занимает около 600 тысяч квадратных миль, или примерно столько же, сколько Великобритания, Германия, Франция, Италия и Португа-

вышающихся на западе башен мельничного комбината до солидной киностудии на восточной окраине — расстояние внушительное.

Всего два десятилетия назад Улан-Батор представлял собой скопище беспорядочно разбросанных хижин. А теперь это город со строгими широкими проспектами и площадями. Бурный рост города отражает стремление Монголии догнать современный мир.

Взлетно-посадочные полосы улан-баторского аэропорта бетонированы, а дорога из аэропорта в столицу вымощена. Остальная Монголия обслуживается сетью грунтовых дорог. На «джипе» можно пуститься в путь куда угодно. Если дорога от

МОНГОЛИЯ

глазами американцев

ля вместе взятые². А население ее — всего один миллион человек. Как и Вайоминг, это редконаселенный край.

Первый город, который мы увидели с воздуха, был промышленный Сухэ-Батор. Дальше к югу городов не было, мы заметили только несколько юрт. В большинстве случаев они стояли у входа в долины и, как правило, не поодиночке, а группами по три, четыре, пять. Это были айлы, как их называют в Монголии. Белые округлые купола юрт на зеленой траве под голубым небом — типичная картина Монголии.

Однако по пути из аэропорта в Улан-Батор мы увидели и новые, современные городские здания. Некоторые из них облицованы мрамором, но большинство покрыто белой штукатуркой. Бесперебойно работающая электростанция и недавно введенная в действие канализационная система обслуживают 160-тысячное население города.

Улан-Батор просторно расположился на берегу реки Толы, в обширной травянистой котловине, со всех сторон обрамленной горными грядками. От воз-

¹ Вайоминг — штат на горном западе США, один из самых малонаселенных и экономически слабых штатов страны.

² Площадь МНР — 1531 тысяча квадратных километров.

скот имеется и в индивидуальном владении. На севере Монголии входящая в кооператив семья может иметь в собственном распоряжении 50 голов скота, в степной части страны и в Гоби — 70 голов.

Некоторые арагты приходят в Гоби со стадами только зимой — летом и осенью они пасут скот в степи. Но некоторые живут в западном Гоби круглый год. В той части Гоби, где мы побывали, существует кооператив из 145 семей. Кооперативу принадлежит три тысячи верблюдов, 90 тысяч овец и 40 лошадей. Источниками водоснабжения служат шесть родников и два маленьких ручья. Но воды не хватило бы, не будь 120 недавно выкопанных колодцев.

Гаргал, пастух с продубленной ветрами кожей, говорит мне: «В Гоби много воды. — Его лицо проясняется. — Холодная, чистая, сладкая вода». (По словам венгерских инженеров, бурящих в Гоби разведочные скважины, там нет такого места, где было бы трудно найти воду. Девять из любых десяти скважин обнаруживают воду на глубине менее 150 метров.)

Владения кооператива, в котором состоит Гаргал, раскинулись на 120 миль с востока на запад и на 60 миль с севера на юг... В апреле и мае Гоби цветет. Когда Гаргал описывает эти цветы, его лицо светлеет. В июле и августе в Гоби идут сильные дожди. В это время лощины зачастую совершенно затопляются водой. Но в течение всего остального года осадки почти не выпадают, и «джип» может ехать куда угодно.

Наша машина спугнула как-то несколько антилоп. Мы погнались за ними, чтобы получить представление о скорости их бега. Куда там! Скоро мы остались далеко позади, не решившись продолжать преследование по пересеченной местности. В Гоби множество газелей, я часто встречал их следы, но видеть их самих мне не пришлось ни разу. Зато мы видели огромных черных грифов: размах крыльев у них не меньше шести футов!⁵ В Гоби еще водятся дикие верблюды. Эти же места являются родиной дикого осла и дикой лошади, которых в Монголии скрещивают с домашними лошадьми...

В полдень Гоби представляется плоской и суровой. Жара летних дней изнурительна. Но вечера в ясную погоду чарующе хороши. Тени удлиняются, и Гоби как будто возвращается к жизни. Картина меняется каждые пять минут. То, что было резко очерчено, становится вдруг неясным, рассеянный свет внезапно фокусируется на чем-то. В такие часы вы попадаете во власть колдовских чар пустыни.

Однажды вечером нас пригласили в юрту. Юрта — такая же неременная принадлежность Монголии, как яблочный пирог — Америки. В ее конусообразной крыше сделано отверстие, куда уходит в наши дни в большинстве монгольских юрт дым, когда пища готовится на открытом огне. Но пают на круглой чугунной печке. Юрту покрывают войлоком, количество слоев которого увеличивается по мере похолодания. Поверх войлока натягивается белый брезент. Летом пол выстилается толстым войлочным матом — «ширдиком». Во время дождя его сменяет деревянный настил дюймовой толщины. Одним словом, монгольской юрте не страшны никакие ветры и грозы. В ней, конечно, нет водопровода и канализации. Воду берут из колодцев,

которых в Монголии со времен достижения независимости в 1921 году вырыто великое множество. Почти во всех монгольских юртах есть радио. В Кобдо-Сума, где мы побывали, юрты освещены электричеством.

Повсюду в Монголии встречаешь портреты советских космонавтов. Рядом с фамильными фотографиями — портреты монгольских лидеров. Но прежде всего в монгольских юртах, которые мы посетили, бросалось в глаза изображение Ленина.

Юрты не только красивы — в них живут монгольские традиции гостеприимства, которым не остается места в «механизированном» обществе. В каком бы аиле мы не останавливались, нас всегда приглашали в одну из юрт. Если мы принимали приглашение, за ним вскоре следовало приглашение от соседа.

Визит в юрту обставляется определенным ритуалом. Разговор начинает гость: «Как поживаете?» Затем он задает хозяину три вопроса: «Здорова ли ваша семья? Жирен ли скот? Хороша ли трава в этом году?»

Хозяин отвечает утвердительно на каждый из этих вопросов, даже если больна вся семья, скот отошал, а трава на пастбищах высохла от засухи.

Эти вопросы — лишь дань традиции. Покончив с нею, можно вести разговор на любую тему. Пока вы беседуете с хозяином, жена арага подает чай. За чаем следует айрак⁷ — иногда в фарфоровых китайских пиалах, иногда в деревянных чашках. Айрак непременно есть в любой юрте, кобылиц доят несколько раз в день.

Марко Поло писал, что айрак «имеет вкус и аромат белого вина». Но мне больше нравится определение Мерседес: «смесь пахтанья с шампанским». Нельзя выпить одну чашку айрака. Чтобы показать, что ты ценишь гостеприимство, надо выпить две-три чашки и даже больше.

Угощают здесь и тараком — разновидностью кислого молока. Тарак из верблюжьего молока необычайно питателен. Делают его также из козьего и овечьего молока. При расстройстве желудка магическое действие оказывает теплое верблюжье молоко.

Однажды вечером (это было в Гоби) передо мной на блюде водрузили жаренную голову барана. Рядом положили нож. Голова барана подается почетному гостю. В соответствии с этикетом гость должен срезать ножом хрящи под скулами; один кусок надо съесть самому, другой передать хозяину.

После головы почетному гостю подают хребет барашка. Он отрезает продольные куски мяса и подает по одному всем сидящим в юрте. И снова все пьют айрак.

Монгол — хороший наездник уже в пятилетнем возрасте. Конники здесь скачут, немного привстав на стременах. Несколько всадников вместе являют собой довольно грозную картину. Монгольские лошади выносливы и неприхотливы, на марше они могут долго обходиться без пищи. И тем не менее вы не увидите ни одной отощавшей или больной лошади. Монголы очень любят лошадей, хотя и не балуют их. Здесь не принято давать коням имена.

Ко времени революции 1921 года Монголия была исключительно скотоводческой страной. Промышленный переворот даже не коснулся ее. В стране была лишь одна шахта, где примитивными методами добывали около 1500 тонн угля в год. Име-

⁵ Фут США равен 30.48 сантиметра.

⁶ Дюйм США равен 2.54 сантиметра.

⁷ Айрак — кумыс.

Выставочный зал в Улан-Баторе, построенный в традиционном монгольском стиле.

лись еще два ручных печатных станка, на которых работали в основном русские. Правда, среди печатников был и Сухэ-Батор, вождь монгольской революции. Все богатство страны принадлежало монастырям, китайским и нескольким местным феодалам.

Революция 1921 года была направлена главным образом против китайских наместников, а также против монастырей, использовавшихся Китаем для поддержания в стране феодальных порядков. Но, тем не менее, тогда правительство Сухэ-Батора не применило против монастырей силу.

К концу 30-х — началу 40-х годов между правительством и монастырями возник открытый конфликт. В монастырях произвели обыски, нашли оружие японского производства. Некоторые ламы были казнены. Такие решительные меры обуславливались глубокими причинами: монастыри являлись активной политической силой.

— Нам нужны были школы, — говорил наш переводчик Очирбал, — ламы всячески противились. Нам нужны были доктора — ламы противились. Они внушали народу, что лекарства — это зло, радио — зло. Они говорили, что уравнивание женщин в правах с мужчинами вызовет месть духов.

К 1961 году в МНР действовало только два монастыря: Гандан в Улан-Баторе и Гандан-Чилтен в Восточной Монголии. Мы посетили монастырь Гандан и присутствовали там на двух богослужениях.

Даже в монастыре монголы не теряют интереса к внешнему миру. На приеме, данном старшим ламой, на нас обрушился град вопросов:

— Почему Соединенные Штаты противились принятию Монголии в Организацию Объединенных Наций?

— Почему Соединенные Штаты не признают Монголию?

— Почему между Соединенными Штатами и Монголией нет обмена студентами и преподавателями?

Феодальная Монголия была преобразована по советскому образцу. Хотя осуществление программы развития началось в 20-х годах, большая часть перемен произошла в последние 15 лет. Каждый монгол ощутил влияние века машин. В каждом сомоне — округе по нашим масштабам — есть четырехлетние школы, а в большинстве аймачных центров — семилетние. Пятилетний план 1960—1965 годов предусматривает создание семилетних школ во всех сомонах.

Мне сказали, что в Монголии один врач приходится на тысячу человек и что в каждом сомоне имеется станция скорой помощи, а во многих сомонах есть больницы. Аймаки обеспечены больницами все без исключения. Медицинская помощь, включая услуги дантистов, бесплатная; маленькие самолеты доставляют врачей и медицинских сестер в самые отдаленные уголки страны.

Мы посетили санаторий «Худжирту», что расположен южнее Каракорума. Главный врач курорта Ю. Авирмид с большим искусством лечил мой запущенный грипп. На минеральные воды «Худжирту» ежегодно приезжает три тысячи человек.

В Монголии 19 санаториев для туберкулезных больных. Здесь лечат, в частности, и кумысом.

Правительство Монголии контролирует не только здравоохранение и образование, но и многие другие сферы общественной жизни. По его постановлению плата за квартиру не может превышать четырех процентов дохода семьи.

Арат получает молоко, сыр, айрак и мясо от своего собственного стада, а также в виде доли от доходов своего кооператива. Студенты университета обеспечены ежемесячной стипендией минимум в 240 тугриков (60 долларов). За обучение, в том числе и за учебники, плата не взимается. Дети аратов, которых посылают учиться в города, живут там в государственных интернатах, где им бесплатно предоставляется жилье и питание. Дети работающих матерей воспитываются в яслях и детских садах.

В 250 милях к западу от Улан-Батора мы побывали на том месте, где стоял описанный Марко Поло Каракорум — древняя столица Монголии, превращенная ханом Чагатаем, сыном Чингисхана, в огромный по тем временам город. Теперь от Каракорума не осталось и следа, если не считать руин, обнаруженных в результате археологических раскопок. Ныне на месте древнего города у подножия холмов расположена группа белых оштукатуренных зданий — усадьба Каракорумского госхоза, одного из самых лучших в Монголии. Иригационные «каналы Чагатая» восстановлены и удлинены. Госхоз засеивает (большей частью пшеницей) 20 тысяч акров земли⁸. На полу-миллионе акров степи пасутся его стада: 42 тысячи овец, семь тысяч коз, 1200 кобылиц.

В Каракорумском госхозе постоянно работает 500 человек. Все это обширное хозяйство механизировано. Грузовики, «джипы» и легковые автомобили — русского производства. Советские тракторы и 65 советских комбайнов обслуживает современная ремонтная станция. Плотина на реке Орхон дает воду для орошения, при плотине построена гидроэлектростанция мощностью в 520 киловатт. Мельница выдает ежегодно 11 тысяч тонн муки. Большинство рабочих живет еще в юртах, но они скоро должны быть заменены современными домами. В совхозе семилетняя школа, больница, дом отдыха, кинотеатр.

Однажды вечером мы занялись перечислением всего, что говорит о прогрессе, достигнутом в районе Каракорума.

— Почти не видно нищеты или грязи, — сказал Дин Конгер.

— Нет детей с кожными болезнями, — добавила Мерседес.

— Всюду лица молодых и пожилых дышат здоровьем, — отметил я, — каждый полон энергии.

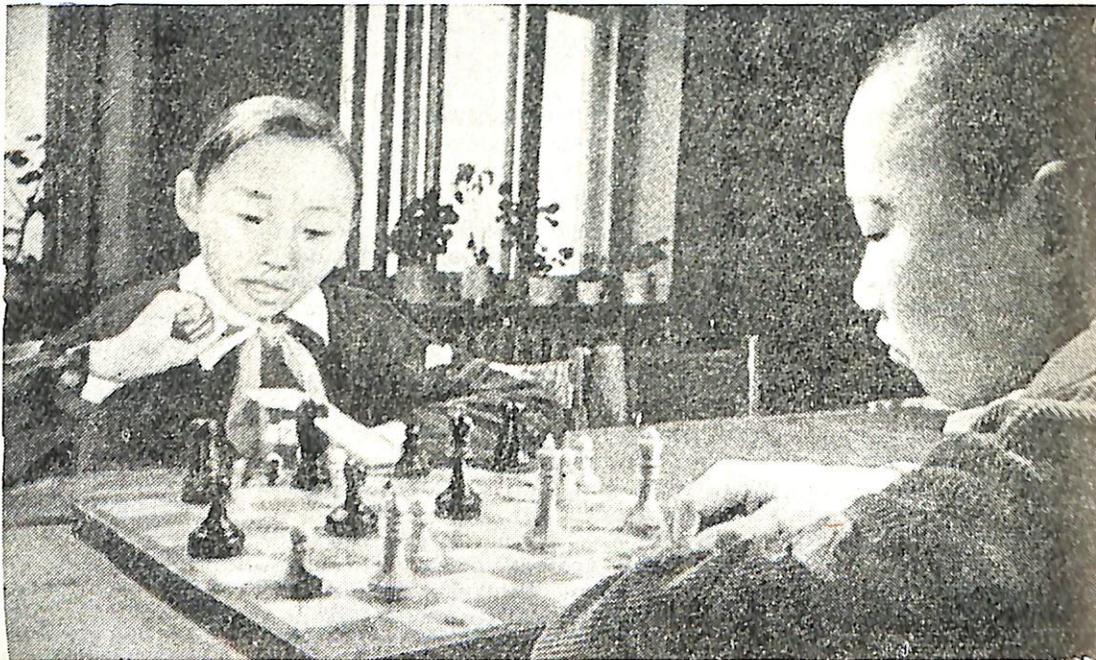
Некоторым показателем того, как много значат для монголов советский опыт и советская помощь, служит такой простой факт: в России в 1961/62 учебном году обучалось 1300 монгольских студентов, а в Китае — только одна десятая этого количества. Россия проявляет готовность оказывать Монго-

⁸ в Акр — 0,4 гектара.

лии помощь в любой области. Множество русских инженеров приезжают в Монголию с рабочими чертежами в руках для строительства фабрик, заводов, городов. После второй мировой войны они проложили железную дорогу, которая протянулась от Иркутска до Пекина. Ныне дорога уже полностью обслуживается монгольским персоналом.

С помощью России Монголия создала свои авиалинии. Россия подготовила монгольских пилотов. С русской помощью в Монголии были созданы новые отрасли животноводства — кролиководство, свиноводство и птицеводство. Чистые монгольские реки и озера всегда изобиловали рыбой, но в Монголии никогда не было рыбаков. Сегодня в МНР быстро развивается рыболовство, и она ежегодно в больших количествах экспортирует рыбу в Россию.

Первые монгольские инженеры и механики, первые физики и химики учились в Москве. Россия создала в Монголии учебные заведения, где получают подготовку монгольские техники и механики. Россия готовит для Монголии лаборантов и лингвистов, философов и ботаников, врачей и учителей. Советские эксперты помогали создавать школы, ясли, детские сады, пионерские лагеря, госхозы, кооперативы, хореографические ансамбли, оперные труппы, педагогические училища. Русские машины, от грузовиков до самых больших и сложных механизмов, встречаешь в Монголии всюду. Русским оборудованием оснащается все — от элеваторов до ванн в комнатах.

Юные монгольские Ботвинники.

— В какой форме предоставляет Россия свою помощь? — спросил я работников правительственных учреждений Монголии. — Это займы или дары?

— Всегда займы, — был ответ.

— Из какого процента годовых?

— Обычно из двух с половиной процентов.

— Россия — жестокий кредитор?

— Она часто отказывается от всяких процентов. Она даже превращает займы в безвозмездную помощь.